

Ляцкий Е. Сумароков Александр Петрович [Электронный ресурс] / Е. Ляцкий // Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона [Электронный ресурс]: интернет-сайт. URL : <http://www.brokgauz.ru> (дата обращения : 27.04.2017)

Мордисон Г. Отец и учредитель правильных российских зрелищ [Электронный ресурс] / Г.Мордисон // Петербургский театральный журнал [Электронный ресурс]. 1993. № 2. URL : <http://ptj.spb.ru/archive/2/in-opposite-perspective-2/otecichreditel-pravilnyh-grossijskix-zrelishh/> (дата обращения : 27.04.2017)

Окуджава Б. Ш. Мы любили Мельпомену...: Вариант легенды / Б.Ш.Окуджава, О.В.Арцимович // Театр. – 1978. – № 12. – С. 26–56.

Окуджава Б.Ш. С историей не расстанусь / Б. Ш. Окуджава; беседовала И.Ришина // Литературная газета. – 1979. – 23 мая (№ 21). – С. 4–5.

Письма русских писателей XVIII века / отв. ред. Г. П. Макогоненко – Л.: Наука, 1980. – 472 с.

Степанов В.П. Сумароков Александр Петрович / В.П.Степанов // Словарь русских писателей XVIII века [Электронный ресурс]: в 3 вып. Вып.3 : (Р-Я) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [Электронный ресурс]: интернет-портал. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/tabid/460/Default.aspx> (дата обращения: 27.04.2017)

Стоюнин В.Я. Александр Петрович Сумароков / В.Я.Стоюнин – СПб.: Типография Я.Ионсона, 1856. – С. 1-92.

Холодов Е. Отец русского театра / Е. Холодов // Театр. – 1978. – № 12. – С. 11-17.

А.Ф. Галимуллина

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Тема Воспитания в творчестве А.П. Сумарокова, М.Н. Муравьева и татарских просветителей

Одной из ведущих тем просветительской литературы является тема воспитания и образования, поэтому в русской и татарской литературах эта тема активно разрабатывается писателями XVIII – начала XX веков. Единство темы позволяет выявить случаи типологического сходства и расхождений в художественном осмыслении писателями, относящимся к разным литературам и литературным направлениям. В данной статье мы рассмотрим художественное воплощение темы воспитания в творчестве поэта-классициста А.П. Сумарокова, писателя-сентименталиста М.Н. Муравьева и татарских писателей-просветителей Г.Г. Кандаля и Ризаэдина Фахретдина.

А.П. Сумароков (1717 – 1777) по своим воззрениям был рационалистом, он был убежден, что люди отличаются друг от друга только по вос-

питанию, по развитию разума, получая первоначальные впечатления при помощи чувств и ощущений. В вопросах морали и социальной политики являясь убежденным монархистом, он видел превосходство дворян над другими сословиями в хорошем воспитании, в высокой культуре, что налагает и большие, по сравнению с другими сословиями обязанности перед Отечеством и государством. Эти взгляды отразились в его литературных и критических публикациях. В знаменитой сатире «О благородстве» (1771) А.П. Сумароков заявляет: «...от баб рожденным и от дам / Без исключения всем праотец Адам...». Как известно, А.П. Сумароков главное отличие дворян от представителей других сословий видел в образовании: «А во учении имеем мы дороги, / По коим посколизнуть не могут наши ноги: / Единой шествуя, вдали увидя дым, / Я твердо заключу, что там огонь под ним... / ... Шагнуть и без наук искусно мы умеем, / А всей премудрости цель дальнюю имеем, / Хотя и вечно к ней не можем мы дойти, / Но можем на пути сокровищи найти. / Перикл, Алькивид наукой не гнушались, / Начальники их войск наукой укрощались; / Великий Александр и ею был велик, / Науку храбрый чтит венчанный Фридерик; / Петром она у нас Петрополь улаждает, / Екатерина вновь науку насаждает. / Не можно никогда науки презирать...» [Сумароков 1957: 189].

Главное достоинство дворянина, по убеждению А.П. Сумарокова, в том, что дворянин должен служить Отечеству: «Не в титле – в действии быть должен дворянином». Эта же мысль наиболее ярко представлена А.П. Сумароковым в сатире «О честности»: «...истинная честь — несчастным дать отрады, / Не ожидаячи за то себе награды; / Любители ближнего, творца благодарить, / И что на мысли, то одно и говорить; / А ежели нельзя сказать правды явно, / По нужде и молчать, хоть тяжело, — не бесславно. / Творити сколько лъзя всей силою добро...». А.П. Сумароков призывает дворян: «Будь сын отечества и государю верен!» [Сумароков 1957: 194 – 195].

Исходя из этих своих убеждений, А.П. Сумароков в притчах и сатирах высмеивал невежественных дворян, не выполняющих свой долг перед Отечеством, погрязших в пороках и безделии («Ось и Бык», «О благородстве» и др.). Свои просветительские идеи А.П. Сумароков воплощал в произведениях, созданных по художественным законам классицизма, основой которых выступала философия рационализма. В этом плане показательны трагедии А.П. Сумарокова «Хорев», «Синав и Трувор», «Мстислав», «Димитрий Самозванец» и другие, в которых на первый план выходят «политико-воспитательные» или «морально-воспитательные» проблемы, призванные образумить высшее дворянское сословие и царей.

Показательна в этом плане ода А.П.Сумарокова «Ода государю цесаревичу Павлу Петровичу на первый день 1774 года»: *«Без общей пользы никогда / Нам царь не может быти нравен. / Короны тьмится блеск тогда, / Не будет царь любим и славен, / И страждут подданны всегда. / Души великой имя лестно, / Но ей потребен ум и труд, / А без труда цари всеместно / Не скипетры, но сан несут»* [Сумароков 1957: 79].

Идеи воспитания и образования активно разрабатывал в своем художественном творчестве, в учебно-педагогических трудах и письмах яркий представитель русского Просвещения – Михаил Никитич Муравьев (1757 – 1807). Как отмечает А.Н. Пашкуров: «М. Н. Муравьев – последователь Н.И.Новикова и один из постоянных корреспондентов его поздних моральных изданий, наставник любимых внуков Екатерины Великой, цесаревичей Александра и Константина в истории, словесности и нравственной философии. Муравьев-педагог последовательно прививал наследникам престола России идеи нравственного достоинства человека, духовной чистоты и своеобразного «непротивления злу насилием» [Пашкуров, Мясников 2003: 3].

М.Н. Муравьев специально разработал для своих венценосных учеников курсы-беседы, а также художественные произведения дидактического характера («Обитатель предместия»), которые далеко вышли за пределы своего узко учебного назначения.

М.Н. Муравьев был убежден в облагораживающем воздействии красоты на формирование человека. Исследователь Н.Д. Кочеткова отмечает: «Принципиально новым и важным для русской эстетики XVIII века оказывается представление о нравственном воздействии красоты» [Кочеткова 1994: 140]. В творчестве М.Н. Муравьева создается «культ» добродетели – определяющего стержня личности». По наблюдениям А.Н. Пашкурова: «философия творчества у Муравьева строится на пересечении двух, казалось бы, взаимоисключающих друг друга полюсов: спокойное, тихое, «бездельное» уединение мудреца – и выход к людям, самозабвенное служение нравственному возрождению человечества, искусству открывать другим «чудо жизни. [Пашкуров, Мясников 2003: 16]. В этом и есть существенное отличие философских взглядов М.Н. Муравьева от А.П. Сумарокова: «На смену «дидактическому гимну» классицизма приходит «чувство добродетели» [Пашкуров, Мясников 2003: 17].

В то же время многие исследователи считают, что, бесспорно, в творчестве М.Н. Муравьева нашли свое отражение, творческое переосмысление и параллельное развитие идеи просветителей и масонов, оказавших существенное влияние на эволюцию нравственной философии и эстетики

конца XVIII века. Он принимал деятельное участие в масонском издании Н.И. Новикова «Утренний свет», ему были близки многие идеи мыслителей этого религиозно-философского течения, но сам масоном писатель, в принципе, так и не стал, «несмотря на близость В.И. Майкову, М.М. Хераскову, Н.И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И.П. Тургеневым» [Кулакова 1975: 21]. Религиозно-моральная лирическая поэзия была самым популярным, самым распространенным жанром в масонской среде (например, масонский роман «Кадм и Гармония» М.М. Хераскова). Как известно, масоны проповедовали идеи «внутренней церкви», «естественной религии», самопознания как возрождения. Они были убеждены, что через познание природы человек постигает Бога; человек должен стремиться к нравственной гармонии.

Показательна в этом плане повесть «Обитатель предместья», в которой М.Н. Муравьев, по замечанию И.С. Абрамовской «... создает свою идиллию – утопию, воплотившую нравственный, этический идеал и идеал государственного устройства» [Абрамовская 2003]. Вслед за М.В. Ивановым следует отметить, что, как и в творчестве А.С. Пушкина, в художественном мире М.Н. Муравьева сентиментальная модель стала «элементом философского осмысления жизни» [Иванов 1992:175]. Это мы наблюдаем в прозаических произведениях М.Н. Муравьева («Обитатель предместья», «Эмилевы письма») в постановке вопросов духовности и веры, в воплощении сентиментального идеала, состоящем в выборе жизни в гармонии с природой, в уединении сельской жизни, в отношении к семье, к друзьям, к чтению. В «Эмилиевых письмах» воплощается просветительский идеал гражданина на службе Отечества, наделенного чувствительным сердцем. Еще во вступлении мы узнаем, что автор писем Эмиль погиб, защищая родину, тем самым осуществив свою мечту: «Всечасное желание его было жить и умереть для пользы Отечества...» [Муравьев 1847: 112 – 113]. Человек должен уметь контролировать себя: «Можно ожидать всего доброго от того, кто учится владеть самим собою» [Муравьев 1847: 116]. Идея внесловной ценности человека наиболее ярко проявляется в описании сельского праздника: «Мы позабыли различие сословий и помнили только, что мы люди. Мне показалось, что вижу явление из «златого века», когда, под тенью дуба, какой-нибудь патриарх вкушал простые яства посреди своего рождающегося семейства» [Муравьев 1847: 120]. Человек ощущает гармонию вдаль от городской суеты, от придворных интриг, в цивилизации его привлекает только театр. В «Эмилиевых письмах» создается идеальный мир, наполненный богатой духовной жизнью: «Местоположения прекрасны. У нас сад, зверинец, рощи.

Я встаю очень рано. Каждый день странствую по полям верхом или пешком, читаю, пишу. Завтракаем вместе. Потом забавы, беседа, общественные гулянья. Ты меня знаешь и чувствуешь, осталось ли что-нибудь, чего бы не доставало моему благополучию...» [Муравьев 1947: 121]. Герои М.Н. Муравьева, как и персонажи многих сентиментальных произведений, читающие герои, у них постоянно выстраиваются ассоциации с произведениями русских и европейских писателей от древности до современности, они много цитируют и любят прогуливаться с книгой в руке. Например, Эмиль, описывая одну из запланированных прогулок с 11-летним мальчиком Васинькой, пишет: «Мы дали себе слово, я и Васинька, в первую прогулку идти на ниву доброго земледельца быть свидетелями трудов его, неутомимости, добродушия. Мы возьмем с собою Virgилевы «Георгики», и в виду хижины и пастухов, при шуме падающего источника, прочтем прелестный эпизод второй книги о похвалах сельской жизни» [Муравьев 1847: 123].

Темы воспитания и образования, идея внесловной ценности человека, женской эмансипации актуальны и для татарской литературы и философско-общественной мысли XIX века. Проведение сравнительно-исторического анализа и выявление типологических сходжений в русско-татарских литературных произведениях и философско-общественных трудах наиболее продуктивны в конце XIX – начала XX века, когда татарская литература оказалась под влиянием просветительских идей и национально-освободительного движения. Типологические сходжения между русской литературой XVIII века и татарской литературой XIX – начала XX веков обусловлены большим влиянием, которое оказала на них просветительская идеология. Однако татарское просветительское движение имело свои особенности, которые были обусловлены спецификой экономической жизни татарского народа. В связи с утратой в XVI веке своей государственности в центре внимания татарских просветителей стояла проблема борьбы против невежества и тьмы, фанатизма и косности, религиозного мракобесия и духовной придавленности людей. В их философском, художественном творчестве и общественной деятельности основным вопросом была проблема просвещения народа и распространения научных знаний.

В распространении просветительских взглядов среди татар показательно творчество известного историка татарского и других тюркских народов России, общественного деятеля, педагога и писателя Ризаэтдина Фахретдинова (1859 – 1936 гг.). В автобиографии Ризаэтдин Фахретдинов пишет о том, что многие знания и науки он освоил благодаря упор-

ным ежедневным занятиям по самообразованию, а также о необходимости знаний языков, в том числе и русского языка для того, чтобы иметь объективные знания о мире. Как яркий пример борьбы с невежеством, Р.Фахретдинов вспоминает, как впервые прочитал учебник по географии и рассказал своим товарищам-шакирдам о том, что земля вращается вокруг солнца, как ему не верили, но они с другом Фаритом эфенди продолжали распространять научные знания. Показательно, что Р.Фахретдин, будучи муфтием, рассуждает об изучении русского языка. Ему в молодости отец запретил учить русский язык, боясь, что это отлучит его от веры, в свою очередь писатель-просветитель своих детей обучил русскому языку в необходимом объеме: «Эти слова, да хранит Аллах, нельзя понимать, как противоречие моему отцу. Если бы он знал тогда, как изменится мир и как в будущем мне будет необходим русский язык, то не только разрешил бы мне немного выучить язык, но и способствовал бы обучению в реальном училище, гимназии или университете» [Ризаэтдин Фахретдинов 1999: 95]. Продолжая эту мысль рассуждением о вере, Р. Фахретдинов отмечает, что «не раз приходилось наблюдать, как люди, получившие русское образование, читали со всеми вместе намаз, в то время как татарские купцы, не знавшие русского, уклонялись от намаза, якобы не успевши совершить омовение. Всякое действие зависит от намерения...» [Ризаэтдин Фахретдинов 1999: 95].

Р. Фахретдинов, преподавая в медресе, стремился усовершенствовать процесс обучения наукам. В этом смысле он считал, что «педагогика – одна из главнейших наук. Она изучает методы обучения и воспитания учащихся» [Ризаэтдин Фахретдинов 1999: 100]. Он вместо схоластического механического заучивания наизусть больших текстов, практиковал сознательное обучение: «Изученное на одном уроке заставлял учеников пересказывать на следующем и разъяснять смысл прочитанного. Скоро выяснилось, что это очень полезное правило» [Ризаэтдин Фахретдинов 1999: 95]. Ученики Р.Фахретдинова легко сдавали экзамены в Духовном управлении мусульман.

В автобиографии Р. Фахретдинов высоко оценивает роль учителя в образовании, но и призывает постоянно пополнять свои знания путем самообразования: «Я активно занялся изучением таких предметов как история, география, мусульманское право, тафсир, хадис. Все это изучал я с большим желанием, самостоятельно, у себя дома, за своим столом. (...) В то же время, чем тратить время с преподавателем, плохо справляющимся со своими обязанностями, лучше уемелому человеку самому совершенствовать свои знания» [Ризаэтдин Фахретдинов 1999: 107].

Ризаэтдин Фахретдин в конце XIX – в начале XX века опубликовал этико-дидактические книги: «Гыйльме эхлэк» («Эхлэк гыйлеме», «Научная этика») (1898 г.), «Адабе тэгълим» («Академия познания») (1908 г.), «Гаилэ» («Семья»), (1902), «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать») (1905), «Тәрбияле хатын» («Воспитанная женщина») (1910 г.), в которых изложил свой взгляд на воспитание детей, на взаимоотношения в семье. Важнейшее место в наследии Ризаитдина Фахретдинова занимает много-томная историко-биобиблиографическая книга «Асар» («Асар»), посвященная жизни и творчеству ученых, деятелей культуры и просвещения народов Востока, над которой он работал в течение нескольких десятилетий.

В книге «Адабе тэгълим» («Укыту кагыйдэлэре») («Правила обучения»), изданной в 1908 году, Р. Фахретдин сформулировал 13 правил для учителя-наставника в медресе, среди которых самые важные – высокая нравственность и духовность самого учителя, сила собственного примера в обучении, неразрывно связанного с воспитанием; эрудиция учителя, его глубокие знания предмета преподавания, Третье качество учителя – его милосердие, умение расположить к себе, четвертое требование – проводить занятия в одно и то же специально выделенное время. Немаловажно, что Р. Фахретдин призывает уважать личность учеников, быть строгим, но справедливым к их поступкам. Учитель также должен совершенствовать свои умения, говоря современным языком, овладевать методикой преподавания предметов. Учитель должен передавать не только знания, но и развивать нравственные и умственные качества учеников, прививать любовь к Богу, умение общаться между собой и с окружающими. Тринадцатое правило Р. Фахретдина относится к речи учителя-наставника, который сам должен владеть устной и письменной речью, обладать красивым почерком, вести записи в «Книге памяти», чтобы потом при случае воспользоваться ими [Фахретдин 2006].

Большую роль в воспитании и благополучии семьи просветитель отводил женщине, поэтому уделял этому вопросу особое внимание. В своих нравственно-дидактических книгах о воспитании: «Гаилэ» («Семья»), (1902), «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать») (1905), «Тәрбияле хатын» («Воспитанная женщина») (1910 г.) он предъявляет высокие требования воспитанию девочки, будущей жены и матери. Женщина должна уметь писать и читать, знать приемы воспитания и обучения, обладать высокой нравственностью, умением вести хозяйство. В семье должны царить любовь и взаимное уважение [Фахретдинов Р. 2006 а]. Эти мысли просвещенного мусульманского священника Р.Фахретдина были про-

грессивны, они составляли перспективную программу по просвещению и раскрепощению мусульманской женщины, повышению ее роли в семье и обществе. Роль женщины важна прежде всего в воспитании будущего поколения. В то же время активная роль женщины в обществе не рассматривалась татарскими просветителями.

Р.Фахретдин свои просветительские мысли изложил и в художественной форме в повестях «Салима, или Целомудрие» (1889), «Асма, или Проступок и наказание» (1903), в которых автор выступает сторонником приобщения народа к передовой европейской культуре, поднимает проблему эмансипации женщины.

Для татарской литературы второй половины XIX – начала XX века очень актуальна проблема женской эмансипации. Это было обусловлено социально-психологическими условиями, а также подъемом национального самосознания татарского народа. Татарская женщина до начала XX века полностью находилась во власти мужа и отца, подвергалась всяческому унижению, права ее ограничивались, муж ее мог избивать, истязать и за это никакую ответственность не нес. После вступления в брак она превращалась в собственность мужа, да и само заключение брака выглядело как торговая сделка. Неравноправное положение женщины проявлялось и в том, что правом развода мог пользоваться только мужчина. Женщина во всем должна была покоряться мужу, была его рабыней в полном смысле этого слова.

Впервые с обличением тяжелой доли женщины-татарки в обществе выступил поэт первой половины XIX века Г. Г. Кандаый, который в своем стихотворении «К Сахипджамал» писал: *«Он бил ее и поносил и, насмехаясь, ей грозил,/ И не было у жертвы сил сносить мучения, увы»*. Однако, как отмечает Я. Г. Абдуллин, наряду с изобличением безрадостной жизни женщины, ее бесправия и угнетенного положения, поэт в своих произведениях воспеваает красоту татарки – простой крестьянки, силу ее воли, верность слову, признает ее право на выбор мужа, право любить или не любить: *«Сахипджамал, истлеешь ты, но станешь мерой красоты:/ Звук имени, твои черты не сгинут в памяти людской.../ Ты и умна и хороша, ты схожа с нежным соловьем,/ И гибкость гурии небес – в любом движении твоём...»* [Абдуллин 1976: 245]. Описание возлюбленной дается через образы природы: *«ты словно золотистый плод», «ты – предраассветный ветерок в долинах и в дали степной», «будь веткой, будь цветком моим, залетным соловьем моим»*.

Сахипджамал для поэтического героя Г. Г. Кандаый – равноправная сторона, она «вольна в выборе», и он, после восторженных похвал, умо-

ляет ее ответить взаимностью на его любовь. Г. Г. Кандальи одним из первых в татарской поэзии заявил о праве женщины на личное счастье, на сознательный выбор мужа по любви. В то же время залогом счастья становится и образованный, просвещенный избранник сердца. Г. Г. Кандальи в стихотворениях и поэмах «Сахипжамал», «К Фархи», «К Бадиге» воспевают любовь земную, любовь к крестьянской девушке из татарской деревни. В этом Ю. Г. Нигматуллина видит проявление у Г. Г. Кандалья, прекрасного знатока суфийской поэзии, «нового для татарской литературы асемантического типа культуры» [Нигматуллина 1997: 106].

Творчество Г. Кандалья является примером проявления общественно-типологических аналогий в татарской литературе уже первой половины XIX века с русской литературой, которые стали возможны, по наблюдениям А. М. Саяповой, «поскольку в середине XIX века эти народы находились на сходном этапе общественного развития и воплощали в своей литературе круг явлений, связанных с проблематикой общественно-политических, идеологических взглядов, морали, философии, религии, с проблемами, которые приносит с собой развитие науки, искусства» [Саяпова 1982: 9]. А. М. Саяпова, отметив знание Г. Г. Кандальем русского языка, при этом исключает прямое влияние или заимствование из русской литературы, а черты сходства между творчеством Г. Кандалья и русской литературой конца XVIII – первой трети XIX веков видит в новом содержании, мотивах, поэтических образах, в особенности формирования татарской просветительской литературы. Необходимо также отметить, что в творчестве Г. Р. Державина («Ласточка») и татарского поэта-просветителя Г. Утыз Имяни (1754 – 1834) («О том, как сохранить семью», «О святых женщинах») намечается пронзительная тема воспевания умерших любимых жен, в которых звучит и тоска, и утверждение любви, пережившей даже смерть возлюбленной. В их произведениях женщины являются опорой семьи, ее здоровья и нравственной чистоты. Так, Г. Утыз Имяни создал поэтический образ прекрасной жены, рано умершей, и поэтому овеванный ореолом светлой грусти. Он отмечает в ней душевную чистоту, верность, трудолюбие, любовь к детям и заботу о них, сострадательность, мягкосердечность и религиозность.

В целом, татарская литература переходного от средневекового к типу культуры Нового времени развивается в русле просветительского реализма, некоторые черты татарской литературы типологически сходны с русским и западноевропейским классицизмом, сентиментализмом. Писатели-просветители горячо отстаивали идеи Просвещения, ратуя за европеизацию татарского общества и выступая против косности и застоя

в национальной жизни татар. Эстетическим идеалом просветительского реализма становится образ деятельного, мыслящего, совершенного человека. Это нашло отражение и в смене жанров татарской литературы: жанры дидактической поэзии и религиозной поэмы во второй половине XIX – начале XX века заменили жанры просветительской литературы: рассказы, повести, романы, драмы, комедии.

Таким образом, татарские писатели-просветители, так же как русские писатели активно пропагандировали идеи образования и воспитания, женской эмансипации, выступали за внесловную ценность человека, однако русские писатели XVIII – XIX веков (А.П. Сумароков, М.Н. Муравьев) мыслили, исходя из идей государственности, они обращались к воспитанию царей, несмотря на то что, принадлежали к разным литературным направлениям и жили в разное время (А.П.Сумароков – классицист, М.Н.Муравьев – писатель просветитель, один из родоначальников сентиментализма в России, предтеча предромантизма), а татарские писатели-просветители XIX – начала XX веков в большей степени воплощали просветительские идеи на уровне духовно-нравственного воспитания народа и взаимоотношений в татарском социуме и семье (Г.Кандалый, Р.Фахретдин и др.).

Литература

Абдуллин, Я. Г. Татарская просветительская мысль / Я. Г. Абдуллин. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1976. – 320 с.

Абрамовская И.С. Художественная проза М.Н.Муравьева // [эл. ресурс]/ Портал edu.novgorod.ru Электрон дан. Dataeducat, 2003. Режим доступа: <http://www.edu.novgorod.ru>

Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. – СПб.: Содействие, 1993. – 336 с.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994.

Муравьев М.Н. Дщицы для записывания // Утренний свет. – 1778. – Часть IV. – январь – сентябрь. – С. 368 – 378.

Муравьев М.Н. Обитатель предместья // Русская сентиментальная повесть. – М., 1978. – С. 70 – 89.

Муравьев М.Н. Эмилевы письма // Муравьев М.Н. Сочинения. – СПб., Т.1. – 1847. – С. 112 – 171.

Пашкуров А.Н., Мясников О.В. Вопросы поэтики мировоззрения и творчества: Учебно-методическое пособие / КГУ. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. – 128 с.

Риззэтдин Фахретдин: Фэнни-биографик жыентык / Риззэтдин Фахретдинов: Научно-биографический сборник. – Казань: Рухият, 1999. – 224 с.

Саяпова, А. М. Татарско-русские литературные связи в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Саяпова – Казань, 1982. – 23 с.

Сумароков А.П. Избранные произведения. Серия «Библиотека поэта» – Л.: Советский писатель. – 1957. – 608 с.

Фахретдинов Р. Адабе төгълим. – Казань: Академия познания, 2006. – 168 с. [Фахретдинов Р. 2006]

Фахретдинов Р. Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. – Казань: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – 123 с. [Фахретдинов Р. 2006 а]

Фахретдинов Р. Тәрбияле бала. Әһле гыяль (Өй жәмәгәте) и др. – Казань: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. – 284 с. [Фахретдинов Р. 2006 б].